

SECTION 29. Literature. Folklore. Translation Studies.

Liudmyla Nikolayevna Iachnyk

postgraduate student of the Department of Slavic literatures
The Institute of literature named after Taras Shevchenko of NAS of Ukraine
gertruda@bigmir.net

**INTERTEXTUAL DIALOGUE: EPIGRAPH FROM INNOCENT ANNENSKY IN THE
POETRY ALEKSANDR KUSHNER**

Abstract: This article is devoted by epigraphs, citing of poetic lines of Annensky which anticipate Kushner's verses. Functional value of an epigraph it opens for Kushner connection possibilities to tradition of the Silver age. An epigraph as intertextuality means extremely effective. It promotes dialogue creation between epoch, aesthetic systems and texts. It shows indissoluble communication of cultural tradition.

Key words: epigraph, intertextuality, citation, tradition, the Silver age, dialogue, polylogue, culture.

**ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНЫЙ ДИАЛОГ: ЭПИГРАФЫ ИЗ ИННОКЕНТИЯ
АННЕНСКОГО В ПОЭЗИИ АЛЕКСАНДРА КУШНЕРА**

Аннотация: В статье рассматривается функциональное значение эпиграфа как одного из способов цитирования, благодаря которому поэтический текст Кушнера подключается к традиции Анненкова и традиции Серебряного века. Одно из многих интертекстуальных средств, эпиграф является наиболее эффективным в создании диалога между эпохами, эстетическими системами, поэтами, произведениями. Он позволяет не только на формальном уровне отделить авторский текст от текста-донора, но и продемонстрировать неразрывную связь культурной традиции.

Ключевые слова: эпиграф, интертекстуальность, цитата, традиция, Серебряный век, диалог, полилог, культура.

**ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНЫЙ ДИАЛОГ: ЭПИГРАФЫ ИЗ ИННОКЕНТИЯ
АННЕНСКОГО В ПОЭЗИИ АЛЕКСАНДРА КУШНЕРА**

Анотація: У статті висвітлюється функціональна роль епіграфа як засобу цитування, завдяки якому в ліричні тексти Кушнера вводиться поетична традиція Анненського. Епіграф у арсеналі інтертекстуальних засобів постає одним із найбільш ефективних у створенні діалогу між різними епохами, естетичними системами, поетами, творами. Він дозволяє не тільки на формальному рівні розмежувати авторський текст і текст-донор, але й показати нерозривність культурної традиції.

Ключові слова: епіграф, інтертекстуальність, цитата, традиція, Срібний вік, діалог, полілог, культура.

Устойчивый интерес Александра Кушнера к творчеству и личности одного из предшественников акмеизма Иннокентия Анненского (1856–1909) имеет особую подоплеку. Возможно, сказалось родство мироощущения, а возможно, и присутствие некоей глубинной связи таланта Кушнера с поэтическим даром Анненского, чье творчество наложило отпечаток на всю художественную картину мира современного поэта. Причем его внимание и привязанность к классику являются чрезвычайно глубокими. Собственно, чувство духовной сродности, огромный пиетет заставили молодого Кушнера ещё вначале 1960-х разыскать заброшенную могилу поэта на Казанском кладбище, постоянно

обращаться к его творчеству. Значительно позже, в 2009 году, он стал одним из организаторов создания памятной доски с барельефным портретом Анненского, приуроченной 100-летию со дня его смерти и ее установки на здании бывшей Николаевской Царскосельской гимназии.

Кушнер проявляет разноплановую заинтересованность к творческому наследию Иннокентия Анненского: и как поэт, и как литературовед, и как публицист, и как общественно-литературный деятель. Он посвятил Анненскому статьи «Книга стихов» (1975) [14], «Интонационная неровность» (1981) [12], «О некоторых истоках поэзии И. Анненского» (1996) [16], «Среди людей, которые не слышат...» (1997) [18], «Об Иннокентии Анненском» (2009) [15]. Он написал аналитический очерк «И чем случайней, тем вернее...» (1990) [13], выступил 13 декабря 2009 г. на телеканале «Культура» в передаче «Был Иннокентий Анненский последним...» [9]. В каждом обращении к творчеству своего предшественника Кушнер, литературовед и публицист, устанавливает имплицитную связь с его манерой поэтизации реальности. Больше того, он вскрывает собственное генетическое родство с анненковской художественной традицией, указывает на какую-то почти интимную близость двух поэтических миров: своего и Анненского. Сходство это заметно в поэзии, ведь Кушнер-поэт часто обращается к текстам одного из ярчайших поэтов Серебряного века, они для него являются то ориентиром, образцом, то неким фоном, то точкой отсчета для создания собственных стихов. Тема «Анненский – Кушнер» представляется чрезвычайно интересной, ее можно использовать и для развернутого интертекстуального анализа. Причем, одной из наиболее продуктивных с позиций интертекстуальности форм подключения поэзии Кушнера к анненковской традиции, является эпиграф.

И если исследователи лирики Кушнера писали о его связи с наследием Анненского не так уж много – прежде всего, это эпизодические замечания в контексте общих проблем, связанных с творчеством современного поэта, то тема эпиграфа ими пока еще не разрабатывалась. К примеру, И. А. Кудрявцева утверждает, что творчество раннего Кушнера, формирование его эстетической позиции оказались под воздействием «петербургской» школы, восходящей к направлению, основателями которого являлись И. Анненский и М. Кузмин, а продолжателями – Н. Гумилев, А. Ахматова, О. Мандельштам. Собственно, исследовательница говорит об отношении Кушнера к Анненскому в аспекте традиции акмеизма [8; 9]. В рецензии О. Канунниковой на поэтическую книгу Кушнера «Кустарник» (2002) имя Анненского появляется в другом окружении: названы «давние собеседники поэта» – Ф. Тютчев, Е. Баратынский, И. Анненский, Б. Пастернак [7; ЭР]. В исследовании А. Марченко соприкосновение имен Анненского и Кушнера возникает в несколько ином контексте – здесь речь идет о тематической переключке и с И. Анненским, и с Б. Пастернаком, и с А. Фетом [24, 86]. Также широко о связи Кушнер – Анненский говорит К. Э Штайн, утверждая, что на метапоэтику А. Кушнера оказало влияние творчество К. Батюшкова, Е. Баратынского, А. Пушкина, Ф. Тютчева, А. Фета, И. Анненского, М. Кузмина, А. Блока, О. Мандельштама [29; 585].

Предметно исследует влияние Анненского на творчество Кушнера Т. Бек. Она, к примеру, указывает на то, что первые книги молодого поэта на главы не делились, и только, начиная с «Голоса» (1978), каждый сборник, продолжая традицию «Кипарисового ларца» Анненского, строился как лирический роман с главами, внутренним сюжетом и осознанными переключками [4; 207]. Здесь, по сути, речь идет о воздействии Анненского на структурирование поэтического материала Кушнером и организацию его в некое единое художественное целое; благодаря классикам он осознал роль циклизации. Примечательно, что Т. Бек подчеркнула: Кушнер в определенном периоде творчества обращается к ритму и тону «Прерывистых строк» И. Анненского, ведь сходным образом о прочтении Кушнером поэзии Анненского как импрессионистической, интонационной говорит и А. Пурич [26; 8].

Об обращении Кушнера к интонационным находкам Анненского свидетельствует также И. Фаликов, который в рецензии на сборник «Кустарник» пишет: «Возможно, взяв у Анненского уроки широкой интонации, её сбивчивости, прихотливости, прерывистости, Кушнер с годами стал всё чаще писать в этом ключе, затрудняя синтаксис, положась на анжанбеман как на оживление речи и панацею от монотонности» [27; ЭР].

Наблюдая трансформацию поэтического мифа об Анненском в русской поэзии рубежа XX – XXI столетий, Н. В. Налегач констатирует, что в стихотворениях, написанных Кушнером в 1970–80-е годы, он развивает некий давно сложившийся миф об учителе, одном из многих талантов блистательной эпохи. А позже, примерно с 2007 года, акценты меняются, и Анненский в рецепции Кушнера предстает абсолютно уникальным поэтом, «противопоставленным сверхчеловеческим и экзотичным исканиям его современников» [25; 19]. Больше – оказывается, что ему «уже лет тридцать, если не больше, всех нужней и дороже Анненский», ибо в нем единственно Кушнер видит черты естественности и соответствия природному ходу вещей. Анализируя индивидуальное лицо Кушнера, его поэзию мелочей как особый язык лирики, А. Жолковский связывает эту черту его творчества с поэтикой Анненского, с анненковской программой метонимического сдвига эмоции с субъекта на соседний объект – на неодушевленные предметы [6; 4].

Пока еще целостная картина восприятия Кушнером традиции Анненского критиками не предложена. Примечательно, и то, что рассматривая влияние Анненского на формирование поэтического мира Кушнера, исследователи не обращаются к анализу интертекстуальных средств и приёмов, с помощью которых происходит введение анненковской традиции в кушнеровский поэтический текст. Поэтому в процессе анализа конкретного поэтического текста попытаемся более пристально рассмотреть связи на уровне «Кушнер – Анненский» и выявить те нити, которые прочно связывают современного поэта с предшественником русского акмеизма. В небольшой статье предлагаем увидеть эти связи под углом зрения такой формы диалогичности текстов как эпиграф.

В статье «Об Иннокентии Анненском» сам Кушнер характеризует его с разных аспектов и говорит, что это «поэт, столь много значащий для нас, иногда кажется, что лучший поэт XX века» [15; 9]. Анненский занимает особое место в его творчестве, являясь, по-видимому, одним из главных его учителей, о чём Кушнер никогда не говорит прямо, но намеренно проговаривается, приподнимая край «полога ночи немой» [3; 56], скрывающий тайну собственного поэтического творчества. К таким намеренным оговоркам принадлежат именные аллюзии и эпиграфы с указанием авторства.

Именная аллюзия на Анненского, одна из форм интертекстуального взаимодействия, присутствует в стихотворениях разных лет. К примеру: «Конечно, Баратынский схематичен. / Бесстыльность Фета всякому видна. / Блок по-немецки втайне педантичен. / У Анненского в трауре весна» («Наши поэты», 1971) [11; 609]; «Подбитый мундирною ватой / Иль в узкий затянутый фрак, / Что Анненский одутловатый, / Что им молодой Пастернак?» («Английским студентам уроки», 2001) [22; 297]; «Как бы Анненский был удивлён, / Детскосельский вокзал наблюдая, / Этой публикой в дачный сезон» (2001) [19; ЭР]; «И Анненский теперь не то что молодым / В сравнении со мной, но точно, что не старым / Мне кажется – и мне не страшно было б с ним / По Царскому Селу пройти сырым бульваром» (2007) [20; ЭР]; «В стихах не жалуйся на скуку./ Во-первых, Анненский уже / О ней писал. Зачем по кругу / Ходить? Его на вираже / Не обойдёшь. Мечту и муку / Он разглядел в чужой душе» («Когда про ужасы читаю», 2011) [17; ЭР]. Столь часто упоминаемое имя классика говорит о мощной традиции, о глубинном восприятии его творчества Кушнером, а соответственно, дает богатый материал для интертекстуальных исследований. Тема обширна – ведь здесь заметны и психологическая характеристика Анненского, и его портретные черты, и приверженность определенным образам и темам в поэзии.

Актуализация анненсковской традиции происходит в кушнеровском тексте посредством разных приёмов: именной репрезентации, биографической аллюзии, литературных реминисценций, эпитафов. Минуя это огромное поле будущих литературоведческих изысканий, обратимся к эпитафам из Анненского, взятым Кушнером к своим стихотворениям. Их использует, подчеркнем зрелый, состоявшийся поэт. К стихотворению «Ветка» (1999) [28; 272] в качестве эпитафа взята строчка из стиха Анненского «Ты опять со мной» [3; 91–92]. Бывает, среди монохромности зимы вдруг порадует глаз случайная ветка с яркими, еще не опавшими, листьями. Она и вызвала в памяти эту строку-эпитаф «Но сквозь сеть нагих твоих ветвей...», впрочем, мгновенно перед внутренним зрением поэта предстал и сам Анненский – «Царскосельский поэт с гимназической связкой тетрадей / И трилистник его ледяной». Кушнер, благодаря тонким аллюзиям, подключается к целой плеяде «царскосельских» и «петербургских» стихотворцев, которые и являются той сетью «нагих ветвей», сквозь которую сквозит здание всей русской культуры, а в целом эта «ветвь на фоне дворца с неопавшей листвой золоченой», благодаря эпитафу становится символом неумирающей классической поэзии.

В стихотворении «Потому-то и лебеди нежные» (2000) [11; 156] эпитафом стали слова «Облака, мои лебеди нежные!» из стихотворения Анненского «Облака» [3; 132–133]. Тема неба, высоты творчества, тема свободолюбивых облаков – сквозная в поэзии, это традиция М. Лермонтова, А. Апухтина, Б. Пастернака, О. Мандельштама. А сам Кушнер высоко ценил эти строчки: «Пережиты ли тяжкие проводы /Иль глаза мне глядят неизбежные, /Как тогда вы мне кажетесь молоды, /Облака мои, лебеди нежные!». Не случайно подчеркивал, что «всегда любил эти стихи с их особой, поначалу как будто недоумевающей, а затем взмывающей вверх интонацией, подсказанной, как это часто бывает у Анненского, двумя взаимоисключающими чувствами – тяжелой скорби и одновременного освобождения от нее. Всегда любил эти стихи».

К стихотворению «Снегири прилетели» (2009) [21; ЭР] он использовал в качестве эпитафа строки из «Снега»: «Полюбил бы я зиму» [3; 114–115] и держа перед мысленным взором Анненского, ведет с ним диалог, настойчивый и немного удивленный. И в самом деле, отчего же не любить зиму? Вот, если бы Вы, Иннокентий Федорович, Вы, кто «стужей томимый, приуныл и притих», увидели этих разноцветных синиц и зябликов, и снегирей, а они-то как раз «примиряют с зимой», – Вы непременно бы оттаяли в Вашей тоске. «Полюбил бы он зиму, / Если б вспомнил о них», утверждает Кушнер в финале стихотворения. Таким образом, кольцевое обрамление стиха через обращения к Анненскому – к его поэзии, его мирозерцанию несет семантику преемственности, диалогичности, соединения разных эпох. Еще в одном стихотворении «Стеклянной палочкой по чашкам постучат» (2012) [10; ЭР] эпитафом является строчка «Но лжи и лести отдал дань я...» из «Бессонных ночей» [3; 196–197] – этого упрека рутине и житейской пошлости. Кушнер интерполирует эмотивное, отчасти депрессивное состояние Анненского в «Бессонных ночах» через собственный эмоциональный фон, создавая образ фарфоровой чашки с трещинкой. Стихотворение, как и предыдущее, обрамлено «присутствием» классика: вначале эпитаф, намекающий на житейские испытания, а в финале автор опять говорит о своем отношении к классику, признаваясь: «как дорог мне поэт / С таким надтреснутым в стихах, щемящим звуком!».

Интертекстуальные ремарки являются во всех случаях своеобразными индикаторами. Становится понятным, на кого равняется Кушнер, кто для него остался навсегда неоспоримым авторитетом, учителем. С какой грустью, даже личной привязанностью, он пишет в сборнике «Облака выбирают анапест» (2008), что «Анненский не то что молодым / В сравнении со мной, но точно, что не старым / Мне кажется – и мне не страшно было б с ним / По Царскому Селу пройтись бульваром». Присутствие высокого слога классики и высокой жизни поэтов – фон кушнеровского бытия, и Анненский – одна из постоянных фигур его творческого мира. Оттого столь часто он берет в качестве

эпиграфа фрагменты стихотворений Анненского. В таком неизменном «присутствии» нет ничего удивительного, удивляет лишь количество эпиграфов, ведь они в общем-то явление мало распространенное в поэзии. У Кушнера – это дань классику, это форма его уважения к нему. Одновременно, это и особая, персональная, форма цитирования, которая характеризует стиль поэтического мышления Кушнера, его манеру обозначать ассоциативные связи со всем, что для него важно, с теми, кто ему дорог, с поэтами, жизнь души которых близка его жизни души.

В стихотворении «Как бы Анненский был удивлён» (2001) [19; ЭР] эпиграфом служат слова «Все равно – ты не это!..» из «Тоски вокзала» [3; 116–117]. Кушнер воссоздал последний день земной жизни, «канун вечных будней» [3; 116], Анненского – директора Царскосельской гимназии, окружного инспектора и члена Учёного комитета министерства народного образования. Этот день, связанный с вокзалом в Петербурге, на ступеньках которого поэт скончался от сердечного приступа, так и не вернувшись домой, в Царское Село, перенесён Кушнером «вперёд» «лет на сто» [19; ЭР] в повседневную суету современного Детскосельского вокзала. В качестве эпиграфа не случайно избраны строки из стихотворения Анненского «Тоска вокзала» из цикла «Трилистник вокзальный», одного из шедевров предметной поэзии, где «вещи сцеплены с человеческой душой», а сам автор «любит культуру и не боится буржуазного привкуса красоты» [18; 195]. Именно эта строчка, повторённая дважды, сперва в начале: «Всё равно – ты не это!..», а потом в финале: «И впрямь, «ты не это», позволяет Кушнеру, отделив на формальном уровне авторский текст от текста-донора, смоделировать ситуацию диалога. Причём, атмосферу живого общения, даже прямой речи, он создает путём варьирования анненковской фразы, понижения её от статуса поэтической речи до просторечия – через разговорное «впрямь». Но, благодаря именно этому эпиграфу, акценту на том, что истинная жизнь – совсем не ежедневность, пошлая житейская, «вокзальная» суета – он размежевал мир красоты и мир уродства. Канун Серебряного века с его буржуазным привкусом красоты, которого, по утверждению Кушнера, не стыдился Анненский и символом которого для современного поэта являются «полосатые тики» вагона первого класса» [18; 196], противопоставлен странному до безобразия, до патологии (с точки зрения человека прошлого) миру начала XXI века:

Как бы Анненский был удивлён,
Детскосельский вокзал наблюдая,
Этой публикой в дачный сезон,
Этой дамой в штанах: молодая
И нарядная, только штаны –
Разве можно ходить в них, простите!
...Молодой человек в декольте
С чёрно-розовой татуировкой,
Нет, наклейкой, – такие везде
Продаются, считаясь дешёвкой;
Две подружки: сверкает пупок,
Оголён загорелый животик,
О, вакханок таких бы не мог
Он найти и в пыли библиотек!

В этом описании некрасивости современного обыденного мира нет ни одной случайной черты. Каждая, увиденная наблюдателем деталь, вступает в дисгармонию с понятием красоты, сформулированным Анненским в «Книгах отражений» (1905), где в предисловии автор говорит о свойствах поэтического сознания, отражение которого не может быть пассивным и безразличным, ведь «Поэты пишут не для зеркал и стоячих вод» [1; 5]. Именная репрезентация, поданная Кушнером в первой строке стихотворения, заставляет читателя посмотреть на мир 2001 года глазами поэта начала XX века. На фоне

эстетики Анненского, формировавшейся под влиянием античных авторов, французской поэзии парнасцев, Бодлера и «культа Красоты», зафиксированные Кушнером детали воспринимаются отражением в кривых зеркалах. Да и образ Дамы в штанах – прямая противоположность анненсковской поэтической концепции красоты, сформулированной им в статье «Символы красоты у русских писателей»: «Красота для поэта есть или красота женщины, или красота как женщина» [2; 130]. Концепции красоты Анненского противоречит и феминный облик юноши – у него «декольте» и «чёрно-розовая татуировка». Параллель – чёрный и розовый в поэзии Бодлера, цвета фетишей – «чёрных кос» и «розовых чулок», которым поклоняется мужчина-поэт [5; 185–186]. Сталкивая две принципиально разные картины мира, Кушнер показывает, как уродливая смена гендерных ролей, отражённая в повседневной жизни наших современников, в их манере одеваться, да и само обнажение превращаются из античного культа красоты в тривиальную порнографию. Более того, все это стало не только частью современной моды и современного быта – это кричащее безобразие, которое мы перестали замечать, оказалось частью нашего духовного пространства, образом, слепком, отражением человеческих душ.

Вокзал, был привычным антуражем в повседневной жизни Анненского, разрывающегося между Петербургом и Царским Селом. Кушнер намеренно не говорит о смерти Анненского, случившейся в один из декабрьских вечеров. Он исключил зимнюю тему («В вагоне», «Зимний поезд»), избрав из трёх стихотворений «Трилистника вагонного» стихотворение «Госка вокзала» с его летним пейзажем – «В пыльном зное полудней» [3; 116]. Но также намеренно Кушнер заставляет вспомнить о смерти поэта, больше – о смерти поэзии. Ведь посмотрев на современную вокзальную суету глазами Анненского, мы приходим к выводу, что эпоха высокой поэзии умерла. Мы понимаем, что автор абсолютно прав, заявляя: «...вперёд / Заглянуть бы лет на сто. Не знаю, / Не уверен, что лучшее ждёт / Там». Ведь предметный мир, непосредственно связанный с душой человека, свидетельствует о том, что произошло то, чего так боялся Анненский в начале XX века: «Увидать пустыми тайны слов...» («Ты опять со мной») [3; 92].

Безусловно, эпиграф в арсенале интертекстуальных средств Кушнера наряду с другими формами реминисценций и цитирования является эффективным приёмом. Поэт не только вводит «чужой» текст в собственный, но и дифференцирует на формальном уровне «свое» и «чужое» слово, он разделяет на уровне временного континуума различные парадигмы мировидения. Также эпиграф позволяет не просто имитировать прямую речь, а воссоздать атмосферу живого общения. Оттого не случайна кольцеобразная композиция многих стихотворений, не случайно расширение эпиграфа-реплики до диалога или развернутого объяснения, собственно, эпиграф часто является импульсом к соотношению, интерполяции разных мировоззренческих и художественных систем.

Анненский для Кушнера – одна из ключевых фигур русской классики. Близка природа поэтических дарований этих двух мастеров слова, в чем-то сходны их творческие судьбы, ведь Кушнер, как и Анненский, работал много лет учителем словесности. Поскольку подчёркнутый эстетизм строк Анненского, употребляемых в качестве эпиграфа, мгновенно настраивает читателя на возвышенный лад, то весь последующий авторский текст соответствует или полемизирует с высоким духом эпохи. Многократное цитирование Анненского позволяет Кушнеру создать интертекстуальный полилог внутри культуры. Движение в одном идейно-тематическом русле с текстом-донором с опорой на общие, органические для них формальные приёмы, позволяет современному поэту, опираясь на поэтическую традицию прошлого, прийти к актуальным для современности обобщениям. Так, в стихотворении «Как бы Анненский был удивлён» благодаря эпиграфу возник живой диалог с прошлым о красоте и безобразии предметного мира, который меняется вместе с человеком. А вместе с ним – преображается мир духовной культуры и формируется новый, знакомый нам, облик цивилизации, где технологии вытесняют духовность.

Исследование проведено под руководством: доктора филологических наук, профессора – Мазепа Наталии Ростиславовны, Институт литературы имени Тараса Шевченко НАН Украины.

References:

1. Анненский И. Ф. Книги отражений / Иннокентий Фёдорович Анненский / отв. ред. Б. Ф. Егоров, А. В. Фёдоров. – М.: Наука, 1979. – 680 с. – (Литературные памятники).
2. Анненский И. Ф. Символы красоты у русских писателей/ Иннокентий Фёдорович Анненский / Анненский И. Ф. Книги отражений / Иннокентий Фёдорович Анненский / отв. ред. Б. Ф. Егоров, А. В. Фёдоров. – М.: Наука, 1979. – С. 128–135. – (Литературные памятники).
3. Анненский И. Ф. Стихотворения и трагедии Иннокентий Фёдорович Анненский / вступ. ст., сост., примеч. А. В. Фёдорова. – Л.: Советский писатель, 1990. – 640 с. – (Библиотека поэта).
4. Бек Т. Все дело в ракурсе / Татьяна Бек // Дружба Народов. – 1998. – №8. – С. 207-212.
5. Бодлер Ш. Цветы зла / Шарль Бодлер. – М.: Наука, 1970. – 480 с. – (Литературные памятники).
6. Жолковский А. Поэтика за чайным столом: «Сахарница» Александра Кушнера/ Александр Жолковский // Звезда. – 2012. – № 10. – С. 223–234.
7. Канунникова О. Дневной огонь [Электронный ресурс] // Русский журнал. – 2003. – 7 февраля – Режим доступа к тексту: http://old.russ.ru/krug/kniga/20030207_kanun.html.
8. Кудрявцева И. А. Поэт и процесс творчества в художественном сознании А. Кушнера: дис. ... канд. филолог. наук: спец. 10.01.01 «Русская литература» / Ирина Александровна Кудрявцева. – Череповец, 2004. – 184 с.
9. Кушнер А. С. Анненский Иннокентий. Чувство недосказанного: Материал телепередачи [Электронный ресурс] / А. С. Кушнер // Телеканал «Культура». – 2009. – 13 декабря. – Режим доступа к тексту: <http://annensky.lib.ru/names/kushner/kushner4.htm>.
10. Кушнер А. Зимние звезды. Стихи [Электронный ресурс] / Александр Кушнер. – Урал. – 2012. – № 7. – Режим доступа к тексту: <http://magazines.russ.ru/ural/2012/7/k2.html>.
11. Кушнер А. Избранное / Александр Кушнер. – М.: Время, 2005. – 720 с.
12. Кушнер А. С. Интонационная неровность / А. С. Кушнер // Вопросы литературы. – 1981. – № 10. – С. 199–205.
13. Кушнер А. С. «И чем случайней, тем вернее...» / А. С. Кушнер // Аврора. – 1990. – № 2. – С. 11–21.
14. Кушнер А. С. Книга стихов. Фрагменты / А. С. Кушнер А // Вопросы литературы. – 1975. – № 3. – С. 185–187.
15. Кушнер А. С. Об Иннокентии Анненском / А. С. Кушнер // Литература. 1 Сентября. – 2009. – № 23. – 1–15 декабря – С. 5–9. – (Листки календаря).
16. Кушнер А. С. О некоторых истоках поэзии И. Анненского / А. С. Кушнер // Иннокентий Анненский и русская культура XX века: Сборник научных трудов /под. ред. Г. Т. Савельевой. – СПб.: АРСИС, 1996. – С. 130–136.
17. Кушнер А. Розоватый воздух бессмертия. Стихи [Электронный ресурс] / Александр Кушнер // Урал – 2011. – № 10, 2011. – Режим доступа к тексту: <http://magazines.russ.ru/ural/2011/10/ku2.html>.
18. Кушнер А. С. «Среди людей, которые не слышат...» / А. С. Кушнер // Новый мир. – 1997. – № 12. – С. 192–215.
19. Кушнер А. Стихи [Электронный ресурс] / Александр Кушнер. – Звезда. – 2001. – № 1. – Режим доступа к тексту: <http://magazines.russ.ru/zvezda/2001/1/kushner.html>.

20. Кушнер А. Стихи [Электронный ресурс] / Александр Кушнер. – Звезда. – 2007. – № 1. – Режим доступа к тексту: <http://magazines.russ.ru/zvezda/2007/1/ku1.html>.
21. Кушнер А. Стихи [Электронный ресурс] / Александр Кушнер. – Нева. – 2009. – № 3. – Режим доступа к тексту: <http://magazines.russ.ru/neva/2009/3/ku2.html>.
22. Кушнер А. Таврический сад: Избранное / Александр Кушнер. – М.: Время, 2008. – 394 с.
23. Лотман Ю. Анализ поэтического текста. Структура стиха. Пособие для студентов / Юрий Михайлович Лотман. – Л.: Просвещение, 1972. – 272 с.
24. Марченко А. Феномен Кушнера / Алла Марченко // Арион. – 2006. – № 2. – С. 80-86.
25. Налегач Н. В. И. Анненский и русская поэзия XX века: автореф. дис. на соискание уч. степени док. филолог. наук: спец. 10.01.01 «Русская литература» / Наталья Валерьевна Налегач. – Кемерово, 2013. – 41 с.
26. Пурин А. Свет и сумерки Александра Кушнера// Арион: Журнал поэзии. – 1998. – №2. – С. 87–99.
27. Фаликов И. ...Так можно сказать? Александр Кушнер. Кустарник [Электронный ресурс] / Илья Фаликов // Знамя. – 2003. – № 8 – Режим доступа к тексту: <http://magazines.russ.ru/znamia/2003/8/falik.html>.
28. Царское Село в поэзии: 122 поэта о Городе Муз. 1750-2000. Антология / сост., коммент., примеч. Б. Чулков. – СПб.: Фонд русской поэзии при участии альманаха «Петрополь», 1999. – 400 с.
29. Штайн К. Э. Словарь. Русская метапоэтика. Учебный словарь / К. Э. Штайн, Д. И. Петренко. – Ставрополь: Издательство Ставропольского государственного университета, 2006. – 601 с.